

используется в таких сферах деятельности, как компьютерное программирование. Попытки определить креативность посредством познавательных переменных направлены на оценку необычных интеллектуальных факторов и познавательных стилей. Дж. Гилфорд и его сотрудники выделили 16 гипотетических интеллектуальных способностей, характеризующих креативность. Среди них такие:

- беглость мысли (количество идей, возникающих в единицу времени);
- гибкость мысли (способность переключаться с одной идеи на другую);
- оригинальность (способность производить идеи, отличающиеся от общепризнанных взглядов);
- любознательность (чувствительность к проблемам в окружающем мире);
- способность к разработке гипотезы, иррелевантность (логическая независимость реакции от стимула);
- фантастичность (полная оторванность ответа от реальности при наличии логической связи между стимулом и реакцией).

Дж. Гилфорд объединил эти факторы под общим названием «дивергентное мышление», которое про-

является тогда, когда проблема только еще должна быть определена или раскрыта и когда не существует заранее предписанного, установившегося пути решения (в отличие от «конвергентного мышления», ориентирующегося на известное или «подходящее» решение проблемы). [3]

В целом проблема компетентности проявляет и создает необходимый запрос на креативные «развертывания» мышления и его психологические составные в вариантах применения, решения различных задач и тем, создания конструктов, в том числе, выраженных в программных продуктах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богоявленская Д.Б., Психология творческих способностей: Монография. – Самара: Издательский дом «Федоров», 2009. - с.315
2. (Guilford J.P. et al. A factor analysis study of human interests //Psychological Monographs. 1954. N 68.) <http://www.uchi-it.ru/7/6/5.html>
3. (Акимова М.К. Психологическая диагностика) http://www.psyarticles.ru/view_post.php?id=350

THE APPROACH TO COMPETENCE OF THE EXPERT IN IT TO SPHERE: PSYCHOLOGICAL ASPECT

© 2012

E.N. Elin, postgraduate student
Togliatti State University (Russia)

Keywords: development; motivation; mind; psychology; personality psychology.

Annotation: Lot of experts lean in own activity on the creativ which one is necessity, all the more in the sphere as programming. Programming this is art leaning on professional mastery and math and informatics. But thus methods use specialists different

УДК 811.111

СОЗДАНИЕ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ-ПОЛИТИКА: ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ

© 2012

Е.С. Ивашова, старший преподаватель кафедры «Английский язык № 1», соискатель
Московский государственный институт международных отношений МИД России

Ключевые слова: образ женщины-политика; стратегия воздействия; маскулинизация; феминизация; лексика и фразеология.

Аннотация: В статье рассматриваются основные стратегии воздействия, используемые авторами в ходе создания образа женщины-политика (на материале английской и американской прессы), а также лексические средства реализации данных стратегий. Анализируются стереотипические представления о женских и мужских ролях и место, которое эти представления занимают в процессе формирования образа.

Сегодня в мире достаточно примеров успешных женщин-политиков и государственных деятелей. Впрочем, женщины в политике — это явление, характерное, прежде всего, для западного мира: на Западе женщины больше вовлечены в политику и общественную жизнь, а понятие «женщина-политик» является чем-то привычным. С другой стороны, при всей политкорректности и толерантности, в публикациях в англоязычных СМИ о женщинах-политиках заметна тенденция к невяному противопоставлению их политикам мужского пола, что является проявлением традиционных стереотипических представлений о женщине и её гендерной роли.

СМИ, ставшие неотъемлемым компонентом социального бытия современного человека, являются мощнейшим средством влияния на общественное мнение. Именно СМИ принадлежит решающая роль в формировании образа женщины-политика в сознании граждан. При этом важнейшим орудием воздействия на сознание людей является язык. При помощи языковых средств (в первую очередь — средств лексики и фразеологии) реализуются основные стратегии воздействия — ввод имплицитной информации (как правило, оценочного характера) и стратегия дискредитации.

Скрытое внедрение информации повышает эффективность речевого воздействия. Это связано с тем, что скрытая информация, как правило, не осознаётся адресатом и, следовательно, не подвергается критической оценке. С другой стороны, выявление имплицитной информации требует усилия мысли, а знание, добытое интеллектуальным трудом, воспринимается адресатом как «своё», становится субъективно близким. При этом интеллектуальная самооценка адресата повышается, поскольку адресат осознаёт, что он понял подтекст [Иссерс, 2009].

Одним из приёмов скрытого введения информации является пресуппозиция. Она основана на том, что слова и выражения имеют смысловые компоненты, которые не всегда осознаются говорящим, но могут быть выявлены путём дополнительных исследований. Пресуппозиции, будучи предположениями адресанта относительно фонда языковых и неязыковых знаний адресата, опираются на определённые стереотипические представления. Анализ британских и американских газетных и журнальных публикаций, посвящённых женщинам-политикам, выявил две разнонаправленные стереотипические тенденции — тенденцию к маскулинизации и тенденцию к феминизации образов женщин-политиков. Стремление к маскулинизации связано с тем, что сфера политики традиционно считается мужской областью, где, несмотря на всё большее участие женщин в общественной жизни и политике, женщина до сих пор воспринимается как некое отклонение от нормы, которое нужно, так сказать, «подвести под общий — мужской — знаменатель». С другой стороны, поскольку женщина-политик по-прежнему «чужой» в сфере политики, авторы выражают свою оценку (зачастую негативную), а следовательно — применяют стратегию дискредитации — именно посредством подчёркивания женских (т.е. неправильных) черт.

Данные стереотипические тенденции реализуются с помощью различных приёмов. Прежде всего, это использование лексики, которая ассоциируется в сознании читателя либо с мужественностью, либо с женственностью: использование лексики, семантически связанной с маскулинной или фемининной сферами, а также использование эмоционально нагруженной лексики, которая ассоциируется либо с женской, либо с мужской сферой.

В статьях о женщинах-политиках нередко встречается лексика, семантически связанная с женской сферой:

авторы нередко акцентируют внимание на внешности женщин-политиков (одежде, причёске и т.п.) за счёт употребления соответствующей тематической лексики. Например: *What oratory is to Barack Obama, the photo-opportunity is to Angela Merkel. In a red parka before a receding iceberg in Greenland; among dark-suited world leaders, one of them yet distinctive in her signature trouser-suit; somber in black alongside Mr Obama at the Buchenwald memorial site.* (The Economist, 27.06.09.) Цвета (*red, black*), предметы одежды (*parka, trouser-suit*) относятся к семантической области «внешность», а согласно стереотипическим представлениям, забота о внешности — это прерогатива женщин. Следовательно, обращая внимание читателя на внешний облик канцлера Германии Ангелы Меркель, автор тем самым подчёркивает её фемининные черты. Данное средство служит реализации стратегии дискредитации, т.к. подчёркивание «женского» в образе автоматически принижает значимость политика, поскольку базовыми, ориентационными чертами в образе политика является маскулинность, а женские черты — девиантны.

Интересно, что имплицитная негативная оценка может даваться как женщинам-политикам, следящим за своей внешностью, так и дамам-политикам, которые не придают особого значения своему внешнему виду:

“There were as many ways to despise her [Hillary Clinton] as she had hairstyles” (The Times, 21.01.07.). В данном примере пресуппозиция заключается в том, что госсекретарь США Х. Клинтон (на момент написания статьи в «Таймс» — кандидат на выдвижение на пост президента от Демократической партии) склонна менять свою причёску часто, т.е. имплицитно то, что она придаёт большое значение внешнему виду. Негативная оценка передаётся через эмоционально нагруженную лексику *despise*, имеющую ярко отрицательную коннотацию.

В следующем примере А. Меркель, которая, в отличие от Х. Клинтон, не придаёт большого значения тому, как она выглядит, также получает отрицательную оценку: *She does not give a toss about glamour. Her standard outfit is a jacket with baggy trousers or calf-length skirt and flat-heeled, clodhopper shoes. She does not bother to put make-up on her wan face, with its dark-circled eyes and down-turned mouth. She is unabashed by her pudding-basin hairdo and dumpy figure. “Anyone who really has something to say doesn’t need make-up”, she avers. One leading conservative says she looks like a Trümmerfrau, the sort of rough, tousled woman whose job was to search through bombed rubble after the second world war* (The Economist, 16.03.00.). В данном примере отрицательная оценка передаётся за счёт описания внешности с использованием как нейтральной, так и эмоционально нагруженной лексики с отрицательной коннотацией. Нейтральная лексика, помещённая в определённое окружение, может также служить для отрицательной оценки, а следовательно — дискредитации образа. Например, словосочетание *baggy trousers* (мешковатые, свободные брюки) само по себе не оценочно, но оно употреблено по отношению к канцлеру Германии (имплицитно сообщается о том, что такой наряд выглядит неуместно на женщине, являющейся публичной персоной). Кроме того, в сочетании с другими элементами описания — *flat-heeled, clodhopper shoes* (стоптанные туфли без каблука); *wan face* (бледное, бесцветное лицо); *dark-circled eyes and down-turned mouth* (тёмные круги под глазами и опущенные вниз уголки рта); *pudding-basin hairdo and dumpy figure* (причёска а-ля форма для пуддинга и коренастая, приземистая фигура) — усиливают эффект: рисуется образ неряшливой, безвкусно одетой и несимпатичной женщины. Саркастический, уничижительный вывод, к которому приходит автор, низводя её до *Trümmerfrau* (нем. — женщина, работающая на расчистке города от развалин

(после второй мировой войны)), дискредитируют образ Меркель. Прилагательные *rough* (грубый) и *tousled* (рас-трёпанный) служат для усиления этого эффекта.

Примеры, приведённые выше, во-первых, свидетельствуют о том, что в ходе создания определённого образа большую роль играют экстралингвистические факторы, к которым относятся внешность, манера одеваться, причёска и многое другое. Во-вторых, негативную оценку получают как забота о внешнем виде, так и невнимательное к нему отношение. Упоминание внешности в любом случае служит дискредитации образа («слишком много женского» — плохо, т.к. в политике правильным является маскулинность, но и «слишком мало женского» — тоже плохо).

Ещё одним способом реализации стратегий воздействия является выделение некоторых стереотипических женских черт, таких как эмоциональность: *From her unexpected tears in New Hampshire in February to her expertise on defense to her dogged refusal to cave under pressure, Clinton is challenging old stereotypes and sparking a national conversation on a key question: does gender still matter when it comes to picking the president?* (Newsweek, 10.05.08.) Интересно, что в этом примере наряду с женскими чертами — *unexpected tears* (неожиданные слёзы), используется лексика, характеризующая Клинтон как сильного, уверенного политика, тем самым маскулинизируя образ Клинтон: *expertise* (опыт), *dogged* (упрямый, настойчивый), *challenge* (бросать вызов, подвергать сомнению).

Следует отметить, что здесь нет противоречия. Отмечая определённые стереотипически женские черты (слабость, недостаток ума и опыта, эмоциональность и т.п.), авторы подчёркивают фемининность образа. Маскулинизируя образ женщины-политика (например, за счёт использования лексики с семантикой жёсткости, твёрдости, бескомпромиссности и т.д.), авторы способствуют «вписыванию» этого образа в общий мужской политический контекст. Сочетание двух тенденций — к маскулинизации, с одной стороны, и к феминизации, с другой, — в одном образе придаёт ему реалистичность и достоверность.

Кроме того, оценка, которая даётся той или иной женщине-политику, может быть неоднозначной. Так, в статье *Angela Merkel charms the world* (The Economist, 09.02.06.) проводится противопоставление образа Меркель в начале политической карьеры (даётся отрицательная оценка) и образа успешного политика впоследствии (положительная оценка). В начале, по мнению автора, Меркель не хватало опыта и харизмы: *For years the leader of Germany's Christian Democrats (CDU), Angela Merkel, was rubbished as a dowdy easterner with little experience and less charisma* (эксплицитная отрицательная оценка). Автор продолжает, что не следует недооценивать Меркель. Она может быть и жёсткой, и беспощадной на пути к своей цели: *Never underestimate Ms Merkel. In 2000, she ruthlessly pushed out her predecessor as CDU leader, Helmut Kohl. She went on to brush aside challenges both to her party leadership and to her prospective candidacy.* И там же: *Ms Merkel has decided to be an anti-Schröder—and, in the process, elbowed aside her own (SPD) foreign minister, Frank-Walter Steinmeier, who previously served as Mr Schröder's chief of staff...She...spoke out firmly about the dangers of a nuclear Iran.*

Противопоставляя образ *dowdy easterner* без опыта и харизмы (кстати, прилагательное *dowdy* употребляется обычно только по отношению к женщинам: *unfashionable and without style in appearance* (<http://oxforddictionaries.com>)) образу жёсткого политика, при этом в пользу последнего, автор тем самым способствует маскулинизации образа Меркель. Вступая в мир политики (традиционно мужской), женщины должны стать «ещё большими мужчинами, чем мужчины», т.е. для достижения успеха

им необходимо демонстрировать традиционно мужские качества: силу, жёсткость, рациональность и т.п.

Оценка переменам, произошедшим с политиками женщинами, даётся с позиции «маскулинность = правильность», т.е. отмечается, что они ушли от женских (т.е. «неправильных») качеств и приобрели больше мужских (т.е. «правильных») черт. Такие перемены неоднократно подчёркиваются в статьях, посвящённых Ангеле Меркель:

A few months ago, commentators were calling Mrs Merkel soft, indecisive, lacking in authority and ideas. Since then, she has sharpened up; and the party's rank and file have rallied to her cause (The Economist, 09.02.06.). Прилагательные *soft, indecisive, lacking in authority and ideas* репрезентируют феминные черты, глагол *sharpen up* (стать острее, улучшить) показывает отход от «неправильных» черт в сторону улучшения, т.е. маскулинизации. Эффект усиливается за счёт противопоставления.

Мужские (т.е. правильные) качества могут называться эксплицитно, а могут подразумеваться. Например, *Merkel Aims to Show Her Mettle* (New York Times, 09.06.10.). Лексема *mettle* (мужество) имплицитно указывает на маскулинность. Словарное значение — *a person's ability to cope well with difficulties or to face a demanding situation in a spirited and resilient way* — передаёт идею силы, непреклонности и других качеств, традиционно считающихся мужскими. Немаловажно, что происхождение слова восходит к середине 16 века, когда такое написание использовалось для переносного значения слова *metal* (металл) (<http://oxforddictionaries.com>).

При помощи эмоционально нагруженной лексики, которая ассоциируется либо с женской, либо с мужской сферой, авторы проецируют те или иные стереотипы, связанные с женщинами в политике. Большим потенциалом в плане воздействия и формирования негативного образа обладает приём концентрированного использования лексем с отрицательной коннотацией. Например: *Nor are the coalition's failures all Ms Merkel's fault. They reflect three deeper problems. One is the inevitable tension within any grand coalition of left and right* (The Economist, 05.10.06.). Изобилие эмоционально нагруженной лексики — *failures* (неудачи), *fault* (вина), *problems* (проблемы), *tension* (напряжённость) — в таком небольшом отрезке текста способствует отрицательной оценке и формированию негативного образа.

Наличие коннотативных элементов значения лежит в основе целого ряда приёмов речевого воздействия, например, в основе приёма иронического возвышения и принижения. Она заключается в том, что какой-либо объект обозначается словом, имеющим иной денотативный смысл, при этом резко сниженным или резко возвышенным. Контраст между реальным денотатом и наименованием создаёт особую экспрессию. Подобный приём используется в целях выражения иронического отношения к собеседнику, предмету речи или самому себе. Например, иронически звучит заголовок статьи *Saint Sarah* (Святая Сара) (Newsweek, 11.06.10.), в которой речь идёт о кандидате на пост вице-президента США от Республиканской партии Саре Пейлин (в избирательной кампании 2008 г.). Сара Пейлин, разумеется, не причислена к лику святых, поэтому в данном случае присутствует контраст между реальным денотатом и наименованием, который передаёт ироническое отношение и придаёт заголовку экспрессивность, что способствует решению прагматической задачи привлечения внимания читателя. Следует отметить, что стилистические приёмы, используемые в заголовках, наиболее эффективны, поскольку заголовок является сильной позицией в тексте, или, используя терминологию А.П. Чудинова, находится в условиях «максимального текстового напряжения» [Чудинов 2007].

Однако не стоит забывать, что полная и точная интерпретация заголовка невозможна в отрыве от текста статьи, а кроме того текстом статьи может быть усилен воздействующий потенциал заголовка. Так, ироническое звучание заголовка может быть усилено за счёт общей иронической окраски текста, которая создаётся посредством неоднократного использования иронии, или же за счёт использования лексем с отрицательной коннотацией, которые вступают в противоречие с положительной оценкой в заголовке. Можно обнаружить эксплицитно критические замечания, которые также противоречат положительной оценке в заголовке. Например, в статье "Saint Sarah" мы находим ряд критических замечаний в адрес Сары Пейлин: *Palin has her faults; Palin's lack of expertise on policy questions—and her apparent lack of curiosity—bothers not just her critics but even some of her most devoted fans* (там же). При этом критика зачастую исходит не от самого автора, а приводится со ссылкой на оппонентов Пейлин. Например: *leftist critics continue to shred Palin as a cynical, shallow, ill-informed opportunist; Traditional feminists see Palin's feminism as a joke. "It's such a contrivance," says Cecile Richards, president of the Planned Parenthood Federation of North America. "There's nothing there. I don't think Sarah Palin is going to change the national scene on choice or on feminism. Her rallying cry is pretty empty if she's against women's rights"* (там же). Ссылка на источник критики является мощным приёмом воздействия, поскольку позволяет автору снять с себя ответственность за высказывания (особенно если это прямое цитирование) и привести негативные высказывания в адрес политика, которые автор, возможно, разделяет, но в силу разных обстоятельств не может озвучить от своего имени. Это также позволяет усилить критику, поскольку вся ответственность переносится, например, на неких абстрактных «леваков», как в первом примере, или на конкретное лицо — Сесилию Ричардс — которая находится в открытой оппозиции Саре Пейлин.

Ещё одним приёмом, заслуживающим внимания, является окказиональное словообразование. При создании новой лексемы она всегда содержит отсылку к аналогичным узуальным словам. Словообразование служит неисчерпаемым источником для языковой игры, создавая ассоциативный потенциал для воздействия на адресата. Одним из ярких приёмов словообразовательной игры является контаминация — «взаимодействие языковых единиц, соприкасающихся либо в ассоциативном, либо в синтагматическом ряду, приводящее к их семантическому или формальному изменению или к образованию новой (третьей) языковой единицы» [СЛТ 1966: 206]:

Palinisms, by contrast, consist of a unitary stream of patriotic, populist blather (Newsweek, 06.08.10.).

Never in my adult lifetime has one politician so perfectly embodied everything that is malign about my country: the proto-fascist nativism, the know-nothingism, the utterly cavalier lack of knowledge about the actual principles on which the country was founded. (about Sarah Palin) (The Guardian, 31.12.08.)

В примерах, приведённых выше, окказиональные словообразования Palinism (пэйлинизм, от имени Сары Пейлин) и know-nothingism (ничегонезнание, невежество, от know nothing) содержат резко отрицательную оценку. Этот вывод следует из контекста: пэйлинизмы определяются как *populist blather* (популистская болтовня), а *know-nothingism* сопровождается такими характеристиками как *the proto-fascist nativism* (граничащий с фашизмом шови-

низм) и *the utterly cavalier lack of knowledge about the actual principles on which the country was founded* (совершенно легкомысленное незнание принципов, на которых была основана страна). Таким образом, данные окказионализмы способствуют реализации стратегии дискредитации.

Весьма продуктивным с точки зрения речевого воздействия представляется также использование ресурсов фразеологии. Особенно продуктивно использование не самих фразеологических единиц, а их трансформаций, контекстуального преобразования, поскольку трансформированные единицы обладают большей экспрессивностью. Среди наиболее частых трансформаций — паронимическая замена одного из компонентов устойчивого сочетания, вклинивание, слияние двух оборотов в один и т.д. *But are endorsements from Palin necessarily a blessing for their recipients, or might they be a curse in disguise?* (Newsweek, 29.07.10.)

Фразеологическая единица *a blessing in disguise* (нет худа без добра, или, если перевести дословно — скрытое благоговение) трансформирована с использованием антонима слову *blessing* — *curse* (проклятие). Фразеологическое выражение приобретает совершенно новое звучание, а вместе с ним — отрицательную оценку действий С. Пейлин. Трансформации подобно этой привлекают внимание читателя своей необычностью (эффект обманутого ожидания), вовлекают его в языковую игру, предлагая «разгадать» исходный фразеологизм, и, таким образом, обладают мощным потенциалом воздействия.

В СМИ приём трансформации фразеологизмов и устойчивых выражений нередко можно встретить в заголовках. Будучи сильной позицией в тексте, заголовок сам по себе обладает мощным воздействующим потенциалом. Например, *Welcome to America's Hall of Shame* (The Guardian, 31.12.08.). В данном заголовке обыгрывается выражение *hall of fame* (зал славы), только вместо славы здесь употреблено рифмующееся с *fame* слово *shame* (позор). Получается яркий, привлекающий внимание заголовок с резкой отрицательной оценкой из-за эмоционально нагруженного слова с отрицательной коннотацией *shame*.

Таким образом, при создании образов женщин-политиков авторы активно применяют различные стратегии воздействия, прежде всего стратегию ввода имплицитной (как правило) оценочной информации и стратегии дискредитации. Стратегии воздействия в газетных и журнальных публикациях реализуются при помощи использования средств лексики и фразеологии, а также их преобразования. Кроме того, в процессе формирования образов женщин-политиков прослеживаются две тенденции — с одной стороны, тенденция к маскулинизации женских образов, с другой — к их феминизации, что отражает по-прежнему маргинальное положение женщин в политике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иссерс О.С. Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». М.: Флинта: Наука, 2009. — 224 с.
2. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие — 2-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2007. — 256 с.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., Советская энциклопедия, 1966 — с. 206

**CREATING AN IMAGE OF A FEMALE POLITICIAN:
LEXICAL MEANS OF INFLUENCE**

© 2012

E.S. Ivashova, senior lecturer of the chair «English № 1», applicant
Moscow State Institute of International Relations

Keywords: image of a female politician; strategy of influence; masculinization; feminization; lexis and phraseology.

Annotation: The article discusses basic strategies of influence which authors use while creating images of female politicians (based on British and American publications), as well as lexical means of implementation of these strategies. The article also analyses stereotypes concerning female and male roles and the importance of such stereotypes in formation of images.

УДК 340

**ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ
НА ТЕРРИТОРИИ «ВСЕВЕЛИКОГО ВОЙСКА ДОНСКОГО»
В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ**

© 2012

Е.А. Козлова, старший преподаватель кафедры «Предпринимательское и трудовое право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: период гражданской войны; аграрное законодательство; казачьи войсковые круги; правовой статус казачьего населения.

Аннотация: Рассматриваются основные законодательные акты казачьего войска на территории Юга России, перспективы их реализации и причины поражения антисоветского режима на казачьих территориях в период гражданской войны.

Развернувшаяся в России в 1917–1918 гг. аграрная революция поставила вопрос о реформировании земельных отношений и на территориях казачьих автономий, возникших весной и летом 1917 года. По законам Российской Империи каждому казаку полагался пай земли. На территориях различных казачьих войск, равно как и внутри этих территорий, в зависимости от местности он был разный, но в среднем по войску равнялся 10–12 десятинам. Казачий земельный надел в среднем превышал крестьянский в четыре–пять раз, поэтому в казачьей среде не замечалось значительного имущественного расслоения[1].

До 1917 г. основополагающими для регулирования аграрных отношений в казачьих областях были «Законы о поземельном устройстве казачьих станиц» от 21 апреля 1869 г. Важнейшим положением в них являлось то, что земли казачьих войск, за исключением офицерских и чиновничьих владений, имели статус государственных, переданных в муниципальную собственность тому или иному войску без права их отчуждения[2].

16 мая 1918 г. на донской земле при поддержке немецких оккупационных войск возникло и получило свое юридическое оформление антисоветское государственное образование – «Все великое войско Донское». Так называемый Чрезвычайный «Круг спасения Дона» принял на себя всю полноту верховной власти и утвердил «Основные законы Все великого войска Донского», по словам атамана генерала П.Н. Краснова, – «донскую конституцию». Аналогичное государственное образование возникло и на Кубани.

Анализ решений казачьих парламентов – Большого войскового круга Дона и Кубанской Краевой рады показывает совпадение основополагающих принципов регулирования земельных отношений на Дону и Кубани. Так, 7 сентября 1918 г. Большой войсковой круг Дона принял Положение «О частновладельческих землях»[3], а Кубанская чрезвычайная краевая рада утвердила 7 декабря 1918 г. «Основные положения земельной реформы в Кубанском крае»[4]. В них были сформулированы следующие положения. Во-первых, отменялась частная собствен-